

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.В. Починская

Уральский федеральный университет

**Послефедоровский период русского книгопечатания:
проблемы, концепции, гипотезы
Мастер книжного печатного дела
Анисим Михайлович Радишевский**

Аннотация: В статье рассмотрена историография одного из аспектов раннего русского книгопечатания – деятельность печатника Анисима Радишевского, выявлены и проанализированы дискуссионные мнения исследователей по данной теме.

The historiography of one of early Russian publishing's aspects – the activity of printer Anisim Radishevsky – is considered in the presented article, it also reveal and analyze debatable opinions of researchers on the given theme are.

Ключевые слова: Россия, кириллическое книгопечатание, историография, книговедение.

Russia, cyrillic publishing, historiography, bibliology.

УДК: 930(47)+002.2.

Контактная информация: Екатеринбург, пр. Ленина 51. УФУ, Институт гуманитарных наук и искусств. Тел. (343) 3502708. E-mail: lai@usu.ru.

История русского книгопечатания с момента его возникновения до 1620 г., времени создания Приказа книгопечатного дела, крайне слабо документирована. Следствием этого стало появление в литературе, посвященной данной проблематике, множества предположений, допущений, гипотез, построенных на косвенных данных. Со временем отдельные гипотезы приобрели характер фактов, о недоказанности которых задумываются немногие.

Особенно обширна историография начального периода книгопечатания (первые его 13 лет, деятельность Анонимной типографии и Ивана Федорова). Ее обзору и оценке трудов данной проблематики посвятил значительную часть своего творчества один из крупнейших современных книговедов Е. Л. Немировский. Интерес ученого к этой теме, не ослабевающий до наших дней, был определен еще в начале его научной деятельности кандидатской диссертацией [Немировский, 1964б]. В ходе ее подготовки исследователем было рассмотрено состояние вопроса не только в отечественной литературе, но и в польской [Немировский, 1962а, с. 255–266; 1962б, с. 239–263; 1963, с. 5–42; 1964а, с. 389–437]. По той же проблематике ученым было подготовлено и издано несколько указателей литературы [Немировский, 1975; 1983]. Подведением итогов исследований первых лет русского книгопечатания стала работа Немировского «Иван Федоров и его эпоха» (М., 2007). Анализ изучения последующих лет первого этапа книгопечатания (о периодизации истории кириллического книгопечатания см.: [Починская, 2012]) не нашел должного освещения в литературе, к этому аспекту темы мы и обратились. Его рассмотрению мы планируем посвятить серию статей, публикация которых уже началась [Починская, 2007, с. 122–131; 2010, с. 119–125; 2012]. Данная статья продолжает эту серию.

Отсутствие достаточной источниковой базы для реконструкции системы организации книгопроизводства заставило исследователей сосредоточить свое внимание на персонах мастеров-печатников, упомянутых в выходных данных книг, на анализе изданий, в том числе, их послесловий.

В первом десятилетии XVII в. круг московских печатников расширился. В него вошли Анисим Михайлович Радишевский, выпустивший в свет Евангелие 1606 г. и Устав (Око церковное) 1610 г., а также Никита Федорович Фофанов, издавший в 1609 г. Минею общую, единственный из московских печатников, не прерывавший книгоиздательской деятельности и после сожжения московской типографии в 1611 г.

Поскольку, как уже отмечалось, документов об этом периоде книгопечатания не сохранилось, то только на основании сведений выходных данных книг были сделаны выводы о том, что каждый из печатников имел свою мастерскую. Однако в каких взаимоотношениях они находились в организационном плане, не ясно. Это породило различные мнения по данной проблеме.

А.А. Сидоров писал, что «начиная с 1603–1604 гг. в пределах одного Московского Печатного Двора на равных как будто правах работают трое печатников: Иван Невежин, сын Андроника, Анисим Радишевский и Аникита Фофанов» [Сидоров, 1946, с. 82]. В своей следующей монографии, говоря о «штанбах» Невежи и Радишевского, ученый вновь повторяет свою мысль о том, что, возможно, они «не были совершенно отдельными типографиями и тем более “издательствами” в нашем смысле, а являлись ... двумя “станами” в одном заведении» [Сидоров, 1951, с. 158].

А.С. Зернова считала, что мастерские хотя и пользовались поддержкой правительства, но все-таки проявляли большую инициативу и самостоятельность в своей работе. «Можно, конечно, предположить, что они подчинялись какой-нибудь общей административной власти, но в деле материального оборудования мастерские А. и И. Невеж, Радишевского и Фофанова были совершенно самостоятельными единицами; все их технические работы протекали врозь: никогда, напр., ни одна доска Фофанова не попадала к Невежам или Радишевскому, или наоборот». Таким образом, Зернова именует мастерские «отдельными типографиями» [Зернова, 1952, с. 17]. Эту точку зрения поддержала Ж.Н. Иванова, в статье, посвященной изданиям Радишевского, она подчеркнула, что его «типография, как и другие типографии, финансировало московское правительство» [Иванова, 1989, с. 119].

Еще более радикальную позицию в этом вопросе занял Е.Л. Немировский, считая избы печатников отдельными типографиями, а типографские материалы – собственностью мастеров [Немировский, 1985, с. 246; 1997, с. 45, 55, 74; 2007, с. 629]. Эти выводы основаны, как и у Зерновой, на том, что типографские материалы, с которыми работали мастера, никогда не смешивались между собой. На наш взгляд, этот факт не может быть достаточным аргументом для столь беспартийных заявлений. Ситуация, о которой говорят исследователи, вполне сопоставима с той, что сложилась в постсмутный период. После восстановления типографии в 1614 г. каждый из мастеров печатал книги своим шрифтом и оформлял своим декором, однако, как свидетельствуют сохранившиеся документы, они работали в одной типографии, а типографские материалы изготавливались на государственные средства и передавались от одного мастера к другому в случае смерти первого.

Исходя из дальнейших рассуждений Немировского, можно сделать следующие выводы: в организационном плане московское книгопечатное производство конца XVI – начала XVII вв. представляло собой ремесленную артель под названием «Печатный двор» [Немировский, 1964а, с. 330; 2007, с. 629]. В этот период там еще не сложилось разделение труда: «Старые печатные мастера были универсалами. Они резали пунсоны, лили шрифты, гравировали формы для иллюстраций

и орнаментики, сами могли набирать текст и тискать его, подчас и сами переплетали книги» [Киселев, Немировский, 1964а, с. 53; Немировский, 1985, 249; 1997, с. 47]. Немировский вступает в дискуссию с Б.П. Орловым, утверждавшим, что московская типография в начале 20-х гг. XVII в. превращается в предприятие мануфактурного типа и именно тогда появляется ее наименование «Печатный двор». По мнению Немировского, если название типографии появляется уже в XVI в., то превращение ее в централизованную мануфактуру происходит позже. Он считает, что предпосылки данного процесса складываются в начале 1610-х гг., о чем свидетельствует смета на постройку типографских станов 1612 г. Исследователь отмечает, что в ней указаны словолитец, знаменщик (художник), резец, но нет, ни наборщиков, ни печатников, эту работу выполнял сам мастер. О превращении типографии в мануфактуру можно говорить только применительно к концу третьего десятилетия XVII в., когда умер Кондрат Иванов, последний печатник, официально числившийся мастером печатного книжного дела и четко оформилось разделение труда между мастерскими, работающими в книгопечатании. В это время, пишет Немировский, определился состав бригады, обслуживающей один стан в количестве 11 человек – 2 наборщика, 4 тередорщика, 5 батыйщиков, из числа которых в 1628 г. был выделен разборщик [Киселев, Немировский, 1964, с. 53; Немировский, 1964а, с. 330; 1985, с. 249–250; 2000, с. 168]. Взгляды Немировского в полной мере разделяет А.В. Дадыкин [Дадыкин, 2004, с. 54–55].

Рискнем поспорить с этой точкой зрения. Нам думается, что организация московского книгопечатания на основах мануфактурного производства складывается значительно раньше, чем полагает Немировский. Во-первых, поскольку, как указано в смете 1612 г., она представляет собой подсчет расходов на постройку станов, то логично предположить, что в ней перечислены специалисты, необходимые именно для этого. По этой самой причине там отсутствуют ремесленники, имеющие непосредственное отношение к печатанию книг.

Во-вторых, есть все основания полагать, что состав бригады, обслуживавшей печатный стан, сложился до сожжения типографии в 1611 г. Как показывают документы Архива Оружейной палаты за 1614–1619 гг., в ведении которой находилось книгоиздание, в период его восстановления уже имело место разделение труда между мастерскими, работавшими у печатных станов [Починская, 1998, с. 220–222]. В мае 1614 г. была произведена выплата жалования мастерским, помогавшим Никите Фофанову в налаживании работы типографии. Их было 18 человек с одинаковым размером жалования. К сожалению, все они обозначены как мастерские, без указания специализации. Но в документах за 1617 и 1618 гг., отмечающих введение в дело первого и второго станов Иосифа Неврюева, все мастерские этих станов перечислены поименно с указанием специальности. В первом случае их 13 человек, во втором – 14, не считая самого мастера. Из этих списков видно, что в 1617 г. при стане работало 2 наборщика, 4 тередорщика и 3 батыйщика, а в 1618 г. к этому составу работников был добавлен один разборщик. Понятно, что такая специализация не могла появиться одновременно в 1614 г., это особенно явно, если учесть предшествовавший, более чем двухлетний перерыв в работе типографии. Полагаем, можно с уверенностью говорить о формировании специализации как минимум с начала XVII в., а ее истоки, не исключено, следует искать уже в первые годы существования московского книгопечатания. Заметим, что в свое время такое предположение высказывала А.С. Зернова [Зернова, 1952, с. 18] и совершенно категорично об этом заявлял А.А. Амосов [Амосов, 1983, с. 6].

Мы не станем строить догадок о степени владения мастером печатного дела всеми специальностями, связанными с процессом книгопечатания, вероятно, она определялась индивидуальностью мастера, однако, хорошо знать их он должен был несомненно. Но не это следует считать главным в работе мастера. Вероятнее всего, он в первую очередь являлся организатором производства, «бригадиром».

Оружейная палата управляла не только печатанием книг, но и целым рядом других ремесленных производств. Поэтому в условиях отсутствия отдельного управления достаточно сложным и уже довольно крупным предприятием, каковым являлось книгопечатание в начале XVII в., для успешной работы над тем или иным изданием необходим был человек несущий ответственность за его выход в свет. Эту функцию и выполнял мастер. Думается, именно такую роль мастера имел в виду А.А. Сидоров, когда писал: «Ведущей в течение первой половины XVII в. остается личность главного печатного мастера. Мастер руководит, является представителем коллектива, артели» [Сидоров, 1946, с. 84]. В этом высказывании ученого можно поспорить только с указанием хронологического периода, отмеченного как время особой роли мастера. С формированием новой системы управления процессом изготовления печатных книг, начавшимся в 1620 г., надобность в мастерах исчезает. Так же сомнительным представляется употребление Сидоровым термина «артель».

Теперь обратимся к исследованиям, связанным с изучением деятельности одного из руководителей печатной избы, Анисима Михайловича Радишевского. Он вошел в историю не только как типограф, но и как инженер, пушечный и колокольный мастер, писатель. К сожалению, документы, связанные с его жизнью по большей части, касаются того периода, когда он отошел от книгопечатания. Поэтому, не смотря на всю ценность и важность данной информации, следует констатировать, что она никак не пополняет наши знания об истории русского книгопечатания. Те же немногие сведения, относящиеся к книгоиздательству, послужили для некоторых исследователей поводом к достаточно спорным выводам.

Деятельности Анисима Радишевского посвящена монография Немировского, содержащая историографический очерк [Немировский, 1997, с. 3–19], но он не полон, поэтому мы кратко повторим основные этапы изучения жизни мастера, отмеченные исследователем, дополнив эту информацию характеристикой тех работ, которым не уделено внимания и подробнее остановимся на самой монографии.

Впервые имя Анисима Михайловича Радишевского ввел в научный оборот в 1777 г. В.Г. Рубан, опубликовав в Петербурге с рукописи, обнаруженной в Оружейной палате, «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки...», составителем которого и являлся печатник, названный в сочинении Анисимом Михайловым.

В 1813 г. В.С. Сопиковым были введены в научный оборот два издания, напечатанные Радишевским – Евангелие 1606 г. и Устав (Око церковное) 1610 г. [Сопиков, 1813, с. LXVII, XCVI, 87, 254–255]. Но, ни он, ни последующие историки и библиографы долго не отождествляли автора «Устава ратных ... дел» и печатника. Только П.М. Строев в своем указателе к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина сделал это [Строев, 1836, с. 161], но его наблюдение осталось незамеченным. В дальнейшем, вплоть до середины XX в., история изучения «Устава ратных ... дел» никак не пересекалась с изучением творчества мастера книжного печатного дела Радишевского [Немировский, 1997, с. 11–12, 14, 17]. В конце 1940-х гг. в исследованиях А.П. Лебедевской, наконец, было четко сформулировано тождество автора «Устава ратных ... дел» Анисима Михайлова и печатного мастера Анисима Радишевского. Она уточнила место службы мастера после Смуты. В начале XX в. А.А. Покровским была высказана мысль, что Радишевский продолжил свою деятельность в Оружейном приказе. На основании документов Лебедевская установила, что на самом деле местом его работы был Пушкарский приказ. Это обстоятельство объясняло интерес Радишевского к военному делу. К сожалению, статья Лебедевской и ее диссертация, содержащие результаты исследования так и не были опубликованы [Немировский, 1997, с. 17].

Одновременно с Лебедянской к заключению, что автор «Устава ратных ... дел» и типограф одно и то же лицо, пришел Л.П. Теплов. Результаты своих изысканий он изложил в докладе 1950 г. на комиссии по истории техники отделения технических наук АН СССР и подготовил статью, которая, как и исследования Лебедянской, не вышла в свет [Немировский, 1997, с. 17]. Только в 1955 г. он опубликовал небольшую заметку о Радишевском в журнале «Техника молодежи» [Теплов, 1955, с. 14–16].

Работа Радишевского над «Уставом ратных ... дел» продолжалась, видимо, с 1614 по 1620 гг. [Немировский, 1997, с. 97–99], т. е. после прекращения работы в типографии.

Наиболее документированным периодом жизни мастера оказались 1620-е гг. В 1882 г. И.Е. Забелин опубликовал два документа, относящиеся к биографии Радишевского за 1622–1623 гг. [Забелин, 1882, стлб. 322–323, 340]. Документы сообщали, что Анисим Михайлович занимался устройством колодцев и прудов. В 1965 г. украинским исследователем М.А. Петрушенко был введен в научный оборот еще один документ, о руководстве Радишевского гидротехническим строительством [Петрушенко, 1965, с. 56–63].

Однако нас, прежде всего, интересует литература, связанная с первыми десятилетиями пребывания Радишевского в Москве, когда он был причастен к книгоизданию.

Начиная с В.Е. Румянцева, исследователи истории книгопечатания делали попытки реконструкции жизненного пути Радишевского и выявления истоков его книжного мастерства [Румянцев, 1872, с. 53]. На основании того, что мастер именовал себя в колофонах изданий волынцем, возникла гипотеза, постепенно превратившаяся в литературе в «несомненный факт»: «...Мастер прибыл в Москву из Острожской типографии, основанной Иваном Федоровым...» [Покровский, 1914, с. 17]. Обстоятельством, подтверждающим ученичество Радишевского у Ивана Федорова, для сторонников этой точки зрения было также наличие общих черт между шрифтами печатников [Покровский, 1914, с. 17].

Еще большую убежденность в этом мнении исследователям придал документ, обнаруженный А.А. Гераклитовым. В 1926 г. он ввел в научный оборот челобитную Радишевского 1588 г., проливающую свет на его появление в Москве и начало деятельности в типографии [Гераклитов, 1926, с. 63–64]. В ней указано, что переплетный мастер Анисимец Михайлов вышел из Литвы в 7094 (1585/86) г. В это время он «царское дело делал у печатных дел» и из-за отсутствия жилья вынужден был ночевать на Печатном дворе.

Факт западнорусского происхождения Радишевского вызвал особый интерес к нему украинских исследователей, где обсуждались и развивались вопросы о жизненном пути мастера, причастности к деятельности кружка борцов за права православных в Остроге, к работе Острожской типографии, строившиеся на предположениях [Огієнко, 1924, с. 36–39; 1925, с. 189, с. 288–290; Крипьякевич, 1953, с. 28.; Петрушенко, 1965а; 1965б, с. 209–219; Мицько, 1990, с. 52; Поліщук, 1992, с. 17 и др.]. В частности в работах И. Огиенко, изданных до публикации Гераклитова, было высказано мнение о приезде Радишевского в Москву в 1605 г. вместе с самозванцем, с которым он мог познакомиться в Дерманском монастыре [Огієнко, 1925, с. 189].

В украинской историографии впервые была сделана попытка определить место рождения Радишевского, позднее к решению этого вопроса подключились и российские исследователи. И. Огиенко предполагал, что малой родиной печатника было село Радошевка (вар. Радишевка) Кременецкого повета Волынского воеводства (ныне село в Шумском районе Тернопольской области) [Огієнко, 1924, с. 36]. Его точку зрения разделил Я.О. Полищук [Поліщук, 1992, с. 17]. Л.П. Теплов полагал, что Радишевский мог быть родом из местечка Радихев (ныне райцентр во Львовской области) [Теплов, 1955, с. 14]. Е.Л. Немировский, со-

глашаясь с Тепловым, указывал и на другие населенные пункты в Польше с названием Радзишев, Радзишева Воля, находившиеся в Краковском и Познанском поветах польского государства [Немировский, 1997, с. 20–21]. С критикой мнений российских исследователей выступил В. Шевчук, поддержав гипотезу своих соотечественников [Шевчук, 2007, с. 71–74].

Монография Немировского «Анисим Михайлов Радишевский», призванная собрать и обобщить всю имеющуюся информацию о Радишевском, стала в значительной степени собранием биографических мифов, созданных исследователем (Монографии предшествовало несколько статей: [Немировский, 1953, с. 28–29; 1964а, с. 10–11; 1984, с. 79–87; 1990, с. 51–52]. Но в монографии позиция автора отражена с наибольшей полнотой и в наиболее зрелой форме, поэтому мы на ней и останавливаемся). Конечно, они базируются на предположениях и рассуждениях, основанных на «здравом смысле», но совершенно не подкреплены документально. Например, исследователь пишет: «С большой долей вероятности можно предположить, что Анисим Михайлов Радишевский родился около 1560 г.» [Немировский, 1997, с. 19]. Это предположение строится на весьма зыбком, на наш взгляд, умозаключении: поскольку в челобитной 1588 г. Радишевский именует себя переплетным мастером, то ему на тот момент должно было быть не менее 25 лет. Позволим себе усомниться в этом «не менее». Известно, что сын Ивана Федорова был переплетчиком и Немировский говорит о вероятности обучения Радишевского у него [Там же, с. 21]. При этом обращаясь к биографии Ивана Ивановича исследователь отмечает, что его имя впервые появляется в документах начала 1579 г., которые зафиксировали поручение Ивана Федорова сыну взыскать деньги со своего должника Филиппа Остапковича [Першодрукар, 1975, с. 37–38, № 15]. «Из этого документа известно, что Иван Иванович был в то время молод и, видимо, только что стал дееспособным, поскольку ранее его имя в актах не называлось», – пишет Немировский [Немировский, 2007, с. 377]. В другом документе 1579 г. Иван назван переплетчиком [Першодрукар, 1975, с. 69–70, № 38]. Заметим, что по II Статуту Великого княжества Литовского, принятому сеймом в 1566 г., совершеннолетие у мужчин наступало в 18 лет [Музыченко, 1999]. Следовательно, сын Ивана Федорова в 18–19 лет уже был мастером. Поэтому, учитывая, что Радишевский умер между концом 1629 и концом 1631 гг. [Немировский, 1997, с. 142], допустимы довольно широкие рамки, в которые может укладываться его возраст в 1588 г., от 20 до 30 и даже до 35 лет.

Столь же малообоснованными допущениями представляются нам высказывания Немировского об обучении Радишевского, как первоначальному, так и профессиональному. Казалось бы, вполне логичной является гипотеза о том, что первичное обучение будущий мастер прошел в Остроге, где существовало православное училище. Да и не первым Немировский сказал об этом. Однако ко времени выхода в свет монографии исследователя в научный оборот был введен источник, опровергающий это мнение. Речь идет об упомянутой выше статье Ж.Н. Ивановой, в которой она информирует об интереснейшем варианте издания Устава 1610 г., содержащем вместо послесловия статью под названием «Предисловие надписанию пасхалии» [Иванова, 1989, с. 131–137]. Это предисловие уведомляет о составлении Радишевским пасхалии на три года, о времени работы над ней, а также сообщает некоторые данные о самом мастере. «Сию Пасхалию господия благочестивии, – пишет Радишевский, – приемите яко же хотите, токмо молю мене недостойна ненаучения ради не возненавидите, ни поносите, но паче яко праведницы покажите милостию и обличите. Готов есьми прияти паче нежели грешника елеомь главу мою мостяща, *ибо училища николи же не видех* (курсив наш – *И. П.*) и не своею волею дерзнух на сие, но повеленная благочестиваго государя ... сотворих ее...» [цит. по: Иванова, 1989, с. 133–134].

Дальнейшие рассуждения Немировского нам тоже кажутся спорными. «Ремеслу книгопечатника и переплетчика Анисим Михайлов учился в Остроге; тут

уже никаких сомнений быть не может. Единственной типографией на Волыни, работавшей здесь до отъезда Анисима Михайлова в Москву, была Острожская типография московского и украинского первопечатника Ивана Федорова. А значит, Радишевский был учеником русского просветителя... <...> Мы предполагаем, что переплетному делу Анисима учил сын первопечатника Иван Иванович, которого в документах называют Друкаревичем или Переплетчиком. <...> Осенью 1581 г. ... Иван Федоров пытался возобновить книгопечатание во Львове и, чтобы собрать деньги на новую мастерскую, занялся изготовлением артиллерийских орудий. Возможно, и в этом деле ему помогал Анисим Михайлов Радишевский» [Немировский, 1997, с. 21, 24].

Проанализируем эту цитату. Нет никаких оснований заявлять, что Радишевский приехал в Россию уже владея книгопечатным ремеслом. Если он им владел, то почему приступил к печатанию только спустя 20 лет? В этой ситуации гораздо более реалистичной нам кажется мысль о том, что учителем Радишевского в печатном деле мог быть Андроник Невежа. Равным образом нет оснований делать выводы о связи Радишевского с Иваном Федоровым и его сыном исходя из информации источника о работе Анисима переплетчиком в московской типографии. На родине он мог заниматься переплетом рукописей или овладеть переплетным мастерством за два года пребывания в Москве.

И совсем уже художественной фантазией являются следующие слова Немировского: «Анисим Михайлов, видимо, принимал участие в печатании основных острожских изданий... <...> Анисим Михайлов Радишевский хотел продолжить книгопечатную деятельность. Во Львове и на Волыни для этого условий не было. После смерти Ивана Федорова книгопечатание здесь на несколько лет прекратилось. Анисим Михайлов Радишевский решил отправиться в Москву. <...> Анисима же Радишевского приняли как своего и тут же взяли на Печатный двор. Здесь могли помочь рекомендации Ивана Федорова, возможно, существовавшие и в письменном виде» [Там же, с. 24, 29].

Даже если допустить, что Радишевский прошел у Ивана Федорова школу книгопечатного ремесла и хотел продолжить эту работу, то он мог найти применение своим знаниям на родине. Во-первых, по мнению Я.Д. Исаевича, после отъезда Ивана Федорова книгопечатание в Остроге было продолжено. Как считает исследователь, возможно, в 1584–1586 гг. оно было приостановлено [Исаевич, 1981, с. 35], но, вероятно, в это время готовились к печати издания, которые стали выпускать в свет с 1587 г. Во-вторых, Радишевский, в условиях отсутствия работы на Волыни, мог найти себе применение в качестве печатника в Вильно, где работала типография Мамониной, созданная кружком православных литовской столицы. Этот кружок, как известно, был тесно связан с острожским культурным центром.

Вовсе странными представляются предположения Немировского о существовании рекомендаций Ивана Федорова. Во-первых, эта мысль противоречит предполагаемой исследователем причине отъезда Радишевского, приведенной выше. Если были рекомендации, значит, отъезд «ученика» планировался до смерти «учителя». Во-вторых, невозможно рассуждать о рекомендациях в условиях нерешенности вопроса о причинах отъезда первопечатника из Москвы. Он вполне мог считаться там персоной не благонадежной. И наконец, даже если, не смотря на противоречивость допущений Немировского, все же признать вероятность существования этих рекомендаций, то встает вопрос, почему Радишевский более двух лет добирался до России?

И еще на одном предположении Немировского хотелось бы остановиться. Он считает, справщик Печатного двора Григорий Анисимов, работавший там в 1630-е гг. и принимавший участие в подготовке к изданию Устава 1633 г., мог быть сыном Анисима Радишевского [Немировский, 1997, с. 84]. Имя Анисим бы-

ло достаточно распространенным в России того времени, поэтому одного отчества не достаточно для установления родства между людьми.

Если в тексте монографии хотя бы местами употребляются вводные слова, позволяющие понять гипотетичность ряда наблюдений Немировского, то в краткой энциклопедической статье исследователь подает некоторые свои допущения как однозначный факт [Немировский, 2007, с. 629].

Оценка вклада Радишевского в развитие отечественного книгопечатания, естественно, базируется на анализе его изданий. Пристальное внимание исследователей они вызвали только в XX в.

Первые достаточно пространные высказывания по поводу изданий Радишевского принадлежат А.И. Некрасову. Он пишет: «Оба издания Радишевского имеют шрифт, восходящий через Острожскую Библию к виленскому шрифту Мстиславца, а послесловие Устава заимствовано из послесловия Острожской Библии». И далее следуя своим германофильским взглядам на происхождение русского книгопечатания, замечает: «Гравюры в виде орнамента и евангелистов в рамках продолжают традицию смешения поздней готики с немецким ренессансом в русской интерпретации, но отличаются большей сложностью и пестротой, предвещающими барокко; особенно интересны выноски на полях, так называемые “цветки”» [Некрасов, 1925, с. 100].

Довольно подробно издания Радишевского проанализировал А.А. Сидоров. Если в монографии «История оформления русской книги» он уделяет этому вопросу всего несколько абзацев [Сидоров, 1946, с. 84–85], то в следующей работе ему отведено уже несколько параграфов [Сидоров, 1951, с. 146–159]. В силу недостаточности информации о мастере, что отмечено Сидоровым, он сосредотачивает свое внимание на изданиях. В первую очередь речь идет об их оформлении.

Сидоров отмечает, что декор книг Ивана Неvejeина и Анисима Радишевского представляет собой «последнее ответвление стиля федоровской школы» и является «предисловием или преддверием к последующему периоду, поскольку монументальные и простые формы Федорова превращаются ... в кружево мельчайшего плетения. <...> Радишевского счесть прямым приемником Федорова-Мстиславца, конечно, нельзя». Он «остается, – как пишет исследователь, – промежуточным мастером, которого ... трудно причислить к какой-либо из школ и групп нашего книгопечатного искусства» [Там же, с. 146].

Сидоров оспаривает мнение своих коллег, видевших в Радишевском типографа-универсала. Высочайший уровень рисунков, по которым делались гравюры в его книгах, и техника резьбы заставили ученого сделать вывод, что для их изготовления необходима была иная квалификация и более узкая специализация, чем та, которую имел Радишевский. Резюме Сидорова таково: «О.М. Радишевский не был исполнителем гравюр своих изданий, ни рисовальщиком, давшим граверам оригинал для претворения его в печать» [Там же, с. 148].

Сидоров находит у рисовальщика Радишевского приверженность стилю, «который господствовал в то время в русской живописи и миниатюре и известен под весьма условным наименованием “строгановского”. <...> Заставки изданий Радишевского, при их величине, не тяжелы. Они так переполнены плетением небольших линий и стилизованных плодов и шишек, что воспринимаются как некий восточный ковер или тончайшей работы серебряная вещь. Совсем необычайную, фантастическую красоту приобретают заставки Радишевского при их расцветивании» [Там же, с. 148].

Особого внимания Сидоров удостоивает Евангелие, изданное Радишевским. Он отмечает новаторский характер его оформления, заключающийся в снабжении издания гравюрами с изображением четырех канонических авторов, чего ранее не наблюдалось в московских печатных евангелиях. Сидоров подчеркивает, что, не смотря на наличие элементов восточной декоративности, присущей строгановской школе, гравюры в книге Радишевского в полной мере принадлежат к памяти-

никам русского национального искусства. Они имеют аналогии с декором сеней «Золотой решетки» московского дворца или с фреской московского Новодевичьего монастыря [Сидоров, 1951, с. 152]. Сопоставляя гравюры Радишевского с гравюрами в Евангелии 1575 г., изданного Петром Мстиславцем в Вильно, исследователь приходит к следующему выводу: «Четыре евангелиста Радишевского стоят совершенно особняком в русской книжной гравюре. В них настолько откровенно торжествует декоративный принцип, что мы можем их считать примером полной победы эстетического начала над церковно-каноническим. В них отчетливо пробивается светская струя, несколько внешняя, нарядная, поверхностная. <...> Вместе с тем в гравюрах имеются и жанровые черты. На попитрах евангелистов изображены чернильницы, перья, перочинные ножи, щипцы (возможно, того типа, какими снимали нагар со свеч), песочница (на попитре Марка), свитки уже изготовленных и связанных частей рукописи. Лица апостолов весьма индивидуальны» [Там же, с. 156].

Анализируя граверную технику резца декоративных клише изданий Радишевского, исследователь находит в ней целый ряд особенностей и подробно их рассматривает [Там же, с. 156–157]. Так же он делает попытку установить имена знаменщика и резца, работавших над книгами печатника. Однако недостаток информационной базы заставляет Сидорова оставить вопрос открытым. Единственным документом, позволяющим строить гипотезы на этот счет, является смета на постройку станок 1612 г., в которой указаны знаменщик Федор Сергеев и резец Афанасий Никонов [Строев, 1836, с. 433]. Эти люди могли работать с мастером, но для окончательных выводов нужны были подтвержденные образцы работ ремесленников. Сидоров не смог их установить. Просматривая документы Печатного двора 1620-х гг. он нашел одно упоминание о Федоре Сергееве, которое не могло привести к искомой информации, а имя резца не обнаружил. Ему, видимо, были не известны документы архива Оружейной палаты, опубликованные А.Е. Викторовым [Викторов, 1877] и дополненные И.Е. Забелиным [Забелин, 1882, стлб. 1–288], которые фиксируют выплаты жалования мастерам книгопечатного дела до 1620 г. [Починская, 1998, с. 220–222]. В этих документах Афанасий Никонов упомянут неоднократно и эти упоминания позволяют с некоторой вероятностью установить его работы, что и было сделано нами [Починская, 1998, с. 228–229, 236]. Сравнение техники работы резца досок орнамента изданий Радишевского и досок предположительно, выполненных Афанасием, может помочь ответить на вопросы, поставленные Сидоровым.

Кроме того, Сидоров считал возможным найти рисовальщика гравюр Радишевского путем сопоставления их «со всей продукцией строгановских мастеров» [Сидоров, 1951, с. 158].

Полемизируя со сторонниками точки зрения острожского или дерманского ученичества Радишевского, подчеркивавшими общие черты его шрифта с острожскими, всегда осторожный и аккуратный в выводах А.А. Сидоров замечал, что «достаточно было знать эти книги (острожские издания Ивана Федорова – *И.П.*) и совсем не обязательно было работать в самом Остроге» [Там же, с. 146].

Отдавала должное качеству изданий Радишевского и А.С. Зернова, отмечая и бумагу, и шрифт, и оформление книг. В отличие от Сидорова, она считала, что «разнообразие познаний Радишевского в разных видах мастерства» позволяет видеть в нем и словолитца, и гравера, и печатника. Однако в своем предположении Зернова не была категорична, допуская мысль, что мастер мог быть «превосходным руководителем всех этих работ» и это являлось тем фактором, который определял высокое качество выпускаемых им книг [Зернова, 1952, с. 17].

В шрифтовом материале Радишевского исследовательница усматривала большее сходство с виленскими изданиями Петра Мстиславца, чем с острожскими. Не была она в полной мере согласна и с мнением Сидорова о том, что в декоре книг Печатного двора XVII в. «Был взят за образец не Радишевский, а Андроник

Невежа...» [Сидоров, 1951, с. 159]. Зернова считала, что заставки с орнаментикой, близкой орнаментике Радишевского «употреблялись на Печатном дворе довольно часто и служили подолгу» [Зернова, 1952, с. 17].

Анализом изданий Радишевского занимался так же Немировский. В целом их оценка, как произведений полиграфического искусства высочайшего уровня, совпадает с характеристиками, данными предшествующими исследователями. Однако в ряде конкретных выводов Немировский полемизирует с ними.

Он указывает, что «орнаментика Радишевского неизмеримо богаче того, что встречалось ранее у Ивана Федорова и Андроника Тимофеева Невежи» [Немировский, 1997, с. 61]. Немировский определяет декор книг Радишевского как «вполне оригинальный», что бесспорно. Но с последующими его замечаниями, на наш взгляд, трудно согласиться. Если орнаментика предшественников восходит к «большому прописному алфавиту» И. ван Мекенема, считает Немировский, то у Радишевского «дословных ее источников мы не отыщем» [Там же, с. 69]. Однако дальнейшая характеристика оригинальности орнаментики Анисима Михайловича касается не ее стиля, а в большей степени – техники исполнения: «Элементы растительной орнаментики... мастер делает более мелкими... Черный фон при этом как бы приглушен. В одной из малых заставок... черного фона вообще нет, она гравирована черным штрихом по белому фону» [Там же, с. 69]. Немировский не дает ни каких указаний на отступление от сюжетов, составляющих суть старопечатного стиля – интерпретацию орнамента мекенемовского алфавита. Они были присущи декору книг всех русских печатников конца XVI – начала XVII вв., в том числе Радишевского.

Анализ художественного оформления книг мастера приводит исследователя к утверждению: «Да мы и не видим на Московском Печатном дворе другого человека, кроме Радишевского, который бы мог исполнить столь великолепные иллюстрации и орнаменту. <...> Нам остается признать Анисима Радишевского художником-оформителем собственных изданий – другого выхода у нас попросту нет!» [Там же, с. 60]. Немировский категорически не согласен с предположением Сидорова, что резцом гравюр книг Радишевского мог быть Афанасий Никонов [Там же, с. 67–68]. Более того, он полагает, что Радишевский мог быть гравером тех заставок Никиты Фофанова, сюжетные варианты которых близки его собственным [Немировский, 1997, с. 77].

Как известно, в тексте одного из изданий Радишевского, Устава церковного, было обнаружено якобы множество ошибок и в 1633 г. по распоряжению патриарха Филарета его изымали из обращения и сжигали. Попытки исследователей объяснить причину столь необычного для русского менталитета отношения к книге, на наш взгляд, не привели к появлению в полной мере аргументированных мнений.

Ж.Н. Иванова называет несколько причин, повлиявших на судьбу издания. Первая из них – слишком частое упоминание имени Василия Шуйского в конвойных статьях Устава. «...Именно это вызвало гнев патриарха Филарета», – пишет исследовательница [Иванова, 1989, с. 129]. Вторая причина – это состав издания: слишком большое число, включенных в него статей славяно-русского происхождения. «Можно предположить, что это и стало главной причиной, побудившей патриарха Филарета в 1633 г. приступить к печатанию нового Устава» [Там же, с. 129]. «По-видимому, выходом нового издания и было вызвано решение Филарета изъять из церквей России Устав Радишевского», – считает Иванова, добавляя, что изъятие диктовалось желанием заменить издание 1610 г. новым [Там же, с. 129–130].

Немировский соглашается с Ивановой, что поводом к изъятию Устава Радишевского стал выход нового издания книги. При этом он уточняет, что целью этой акции было «подготовить почву для коммерческого успеха нового Устава» [Немировский, 1997, с. 84]. Позволим себе не согласиться с мнениями ученых.

Отвергая первую причину, названную Ивановой, заметим, что имя Василия Шуйского упомянуто не только в Уставе, но и еще в пяти изданиях, которых репрессии не коснулись. Следует напомнить в этой связи, что к 30-м гг. XVII в. указание роли глав государства и церкви в деле просвещения и книгоиздания давно превратилось в важнейшую часть формуляра послесловий и предисловий печатных книги. К тому же в общественном сознании постсмутного времени фигура Шуйского считалась вполне легитимной, поэтому вряд ли упоминание Василия в конвое Устава могло привести к запрету книги.

Сомнительной представляется и вторая причина расправы с изданием 1610 г., указанная исследовательницей. Включение в состав книги статей, отражающих региональную историю православия, пусть и в избыточном количестве, особенно в контексте политики Филарета, направленной на укрепление позиций русской церкви, тоже не могло стать поводом для признания издания еретическим. К тому же напомним, что исправление текстов печатных книг на протяжении всего XVII в. было одним из важнейших явлений религиозно-культурной жизни страны. Причем книги, ставшие основой для правки, никогда не только не уничтожались, но продолжали использоваться на равных с исправленными.

Наконец, мнение Ивановой и Немировского об изъятии из обращения Устава 1610 г. с целью расчистки рынка сбыта кажется нам не имеющим под собой оснований. Во-первых, оба издания принадлежали одной типографии, напомним, единственной в стране. Во-вторых, эти издания разделяет 22 года, за которые Устав 1610 г. у многих владельцев мог поистрепаться, к тому же книга была необходима вновь строящимся храмам. Но самое главное обстоятельство, не позволяющее согласиться с мнением Немировского, заключается в том, что русское книгопечатание до XVIII в. не являлось коммерческим предприятием. Главной его целью было не получение прибыли, а решение идеологических и просветительских задач. До конца 1634 г. продукция типографии продавалась по себестоимости или распространялась безденежно. Введенная в 30-е гг. XVII в. «указная цена» на книги включала наценку, но она была вполне разумной, ее целью было только покрыть затраты на восстановление Печатного двора после пожара [Николаевский, 1890, с. 453.; Покровский, 1914, с. 61–65; Поздеева, 2001, с. 31–45, 77–93; Починская, 2011, с. 204–213].

Кроме того, вывод Немировского неожиданен потому, что ему предшествуют довольно пространные рассуждения о конфликте двух групп книжных справщиков, одной во главе с Дионисием Зобниновским, занимавшаяся правкой текста Требника, другой – их противников, в которую входил справщик Устава 1610 г. Логин Корова. Из этих рассуждений значительно более логичным было бы сделать предположение, что издание Радишевского стало жертвой идейных разногласий, добавим, сопряженных с политикой церковной власти.

Таким образом, анализ литературы, касающейся печатника книг А.М. Радишевского, показывает, сколь недостаточны знания об этой сфере его деятельности и сколь противоречивы гипотезы и мнения исследователей. Все это, несомненно, требует поиска новых подходов к решению проблем истории русско-го книгопечатания XVI – начала XVII вв.

Литература

Амосов А.А. Заметки о московском старопечатании: К вопросу о тиражах изданий XVI – начала XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Л., 1983. С. 5–12.

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 гг. М., 1877. Вып. 1.

Герасимов О. До біографії Онисима Михайловича Радишевського // Бібліологічні вісті. 1926. Ч. 1. (10). С. 63–64.

Дадыкин А.В. Работники и социальная политика Московского печатного двора первой половины XVII в.: от ремесленного производства к централизованной мануфактуре // Книга и мировая цивилизация: Материалы Одиннадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения. Москва, 20–21 апреля. М., 2004. Т. 2. С. 54–55.

Забелин И.Е. Дополнения к дворцовым разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Стлб. 1–288;

Зернова А.С. Орнаментика книг кирилловской печати XVI–XVII веков. М., 1952.

Иванова Ж.Н. Издания Анисима Радишевского в собраниях ГИМ // Русская книжность XV–XIX вв. Труды ГИМ. М., 1989. Вып. 71. С. 119–138.

Исаевич Я.Д. Острожская типография и ее роль в межславянских культурных связях: (послефедоровский период) // Федоровские чтения, 1978. М., 1981. С. 34–46.

Киселев Н.П., Немировский Е.Л. Книгопечатание в Москве XVII в. // 400 лет русского книгопечатания. М., 1964. С. 52–66.

Крипьякевич І.П. Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст. Київ, 1953.

Мицько І.З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990.

Музыченко П.П., Долматова Н.И. История государства и права Украины в вопросах и ответах. Ч. 1. Харьков, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravouch.com/page/igppua/ist/ist-21-idz-ax285-nf-18.html>.

Некрасов А.И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. М., 1925. Ч. I: От начала письменности до 1800 года. С. 64–126.

Немировский Е.Л. Новый труд по истории русской книги // Полиграфическое производство 1953. № 1. С. 28–29.

Немировский Е.Л. Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания // Книга. Исследования и материалы. М., 1962а. Сб. 6. С. 255–266.

Немировский Е.Л. Историографические заметки о начале книгопечатания на Руси // Книга. Исследования и материалы. М., 1962б. Сб. 7. С. 239–263.

Немировский Е.Л. Очерки историографии русского первопечатания // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 5–42.

Немировский Е.Л. Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX–XX веках // Книга. Исследования и материалы. М., 1964. Сб. 9. С. 389–437.

Немировский Е.Л. Первая русская техническая книга // В мире книг. 1964. № 1. С. 10–11.

Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964а.

Немировский Е.Л. Источниковедение и историография русского первопечатания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964б.

Немировский Е.Л. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. Указатель литературы. 1574–1974. М., 1975.

Немировский Е.Л. Первпечатник Иван Федоров. Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности. Львов, 1983.

Немировский Е.Л. Анисим Михайлов Радишевский // Русская речь. 1984. № 1. С. 79–87.

Немировский Е.Л. Иван Федоров. Около 1510–1583. М., 1985.

Немировский Е.Л. Шедевры мирового полиграфического искусства. Анисим Михайлов Радишевский // Полиграфия. 1990. № 1. С. 51–52.

Немировский Е.Л. Анисим Михайлов Радишевский. Около 1560 – около 1631 г. М., 1997.

- Немировский Е.Л. Изобретение Иоганна Гуттенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты. М., 2000.
- Немировский Е.Л. Иван Федоров и его эпоха. Энциклопедия. М., 2007.
- Николаевский П.Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. Ч. 2. № 7–8. С. 435–467.
- Огієнко І. Друкар-волиняк Онисим Радишевський // Духовна бесіда. Варшава, 1924. № 3. С. 36–39.
- Огієнко І. Історія українського друкарства. Львів, 1925.
- Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI – перша половина XVII ст.): Зб. Документів. Київ, 1975.
- Петрушенко М. Друкар XVII сторіччя Онисим Радишевський // Українська книга. – Київ; Харків, 1965. С. 209–219.
- Петрушенко М. А. Нові матеріали про Онисима Радишевського талановитого друкаря і “пушкарских дел мастера” XVII століття // Науково-інформаційний бюлетень архівного управління УРСР. 1965. № 1. С. 56–63.
- Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001.
- Покровский А.А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века // Древности: Труды Императорского Московского Археологического Общества. М., 1914. Т. 23. Вып. 2. С. 1–28.
- Поліщук Я.О. Місія Онисима Михайловича Радишевського // Тези II регіональної науково-теоретичної конф. «Велика Волинь: минуле і сучасне». 18–20 грудня 1992 р., м. Рівне. Рівне, 1992.
- Починская И.В. «Царского величества друкарня» 1614–1619 гг. // Уральский сборник: История. Культура, Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 227–236.
- Починская И.В. Размышления по поводу гипотезы о существовании в XVI в. типографии в Казани // Федоровские чтения. 2007. М., 2007. С. 122–131.
- Починская И.В. Казанские земли – колыбель русского книгопечатания?! // Вестник УрО РАН. 2010. № 4. С. 119–125.
- Починская И.В. Московская типография в первой половине XVIII в.: адаптивные процессы в официальном книгопечатании // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 1 (87). С. 204–213.
- Починская И.В. Книгоиздательская деятельность Андроника и Ивана Невеж. Историографический аспект // Известия УрГУ. Гуманитарная серия. 2012. № 1 (в печати).
- Румянцев В.Е. Сборник памятников, относящихся до истории книгопечатания в России. М., 1872. Вып. 1.
- Сидоров А.А. История оформления русской книги. М.: Л., 1946.
- Сидоров А.А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951.
- Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1.
- Строев П.М. Ключ к Истории государства Российского Н.М. Карамзина. М., 1836. Ч. 1.
- Строев П.М. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836.
- Теплов Л.П. Мастер Анисим Михайлов // Техника молодежи. 1955. № 2. С. 14–16.
- Шевчук В. Друкар XVII століття, автор військової книги Онисим син Михайла Радишевський // Вісник Львів. Ун-ту. Серія книгознавство, 2007. Вып. 2. С. 62–75.